

Красота и хаос в эстетике Владимира Соловьева

Константин Матвеев, магистрант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов),
kostya_matveev_1992@mail.ru

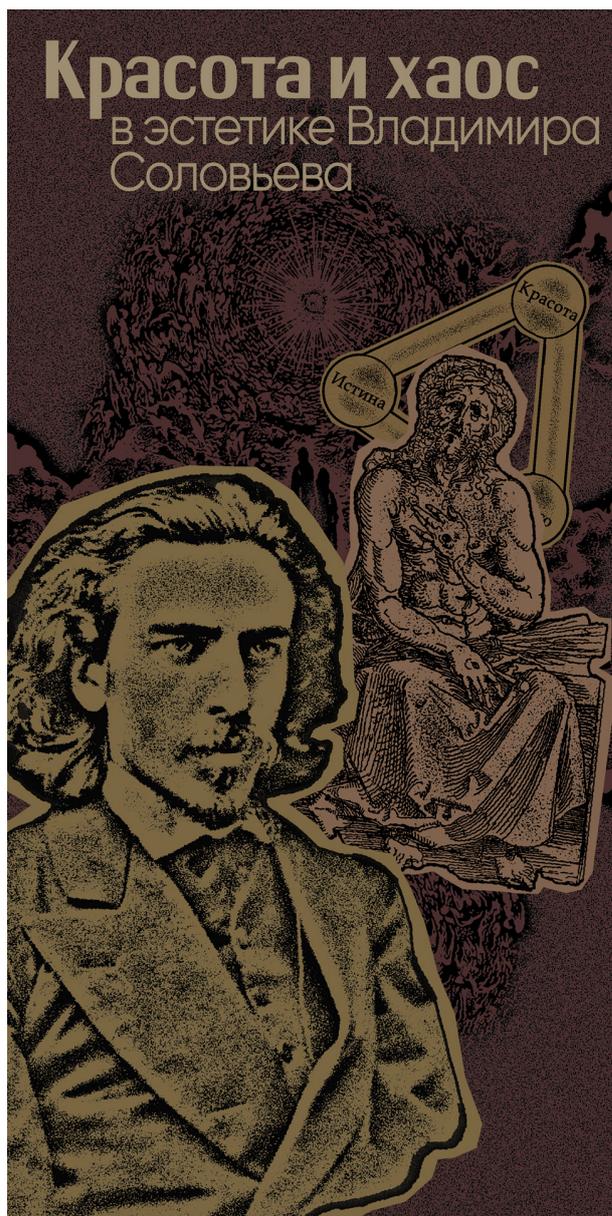
В статье рассматривается учение о красоте и хаосе в эстетике Владимира Соловьева, продолжающее основные мотивы его «философии всеединства». Прослеживается связь эстетической мысли Соловьева и философии и богословия Античности, Средневековья и Нового Времени. Уточняется содержание собственных эстетических идей русского мыслителя. Особенное внимание автор уделяет способу, которым Владимир Соловьев в своей философии приводит к гармоничному существованию красоту и хаос и другие связанные с ними или производные от них пары концептуальных противоположностей: общее и частное, единое и многое, необходимость и свобода, идея и материя и т.д. Эстетика Соловьева провозглашает возможность примирения философии и богословия, чаще находящих опору в универсальном, целесообразном и умопостигаемом, с идеей о хаотичности мира и существовании в нем несводимой множественности. Хаос не исключается Соловьевым, а сохраняется им как многообразие внутри прекрасного гармоничного целого сосуществующих различий. Более того, истоки этого решения содержатся в античной философской мысли и богословии Патристики. Тем самым эстетика Соловьева по своей направленности и выбору тем и проблематик совпадает с основными интенциями его философии всеединства и созвучна ее онтологическим и социально-философским импликациям.

Ключевые слова: красота, истина, благо, хаос, всеединство, христианская аскеза, добротолубие

Для цитирования: Матвеев К.В. Красота и хаос в эстетике Владимира Соловьева // Метаморфозис. 2024. Т. 8. № 3. С. 54-64.

В европейской философии Нового времени эстетика являлась обязательным элементом всякой законченной философской системы. Современный знаток этой проблемы считает, что хотя В.С. Соловьев вследствие обидной непродолжительности своей жизни не успел создать целостного труда в этой области философского знания, его работы по исследованию проблемы прекрасного составляют «своеобразное резюме всей христианской эстетики на уровне философской рефлексии»¹.

¹ Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. 1999. С. 3.

Эстетическое учение В.С. Соловьева оказалось новостью для русской философии, в которой этот раздел был мало разработан. Как отмечает К.Н. Мочульский, до Соловьева русская мысль питалась эстетическими теориями немецких философов, а единственный отечественный труд на эту тему – диссертация Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» – пронизана идеями крайнего позитивизма и сводит искусство к примитивному подражанию жизни².

Принципиальной особенностью эстетики В.С. Соловьева, отличающей ее от классических европейских теорий, является ее эсхатологический характер, естественным образом вытекающий из философии положительного всеединства³.

Эстетика В.С. Соловьева так же проективна, как и его теория культуры. Уже в ранней работе «Критика отвлеченных начал» он писал, что всеединство, ко-

торое в нравственной области реализуется как абсолютное благо, а в когнитивной как абсолютная истина, в области чувственного материального бытия осуществляется как абсолютная красота⁴. Залогом возможности реализации общечеловеческого всеединства является Богочеловечество Иисуса Христа: «Открывшаяся в Христе бесконечность человеческой души, способной вместить всю бесконечность божества – эта идея есть вместе и величайшее добро, и высочайшая истина, и совершенная красота»⁵. Посколь-

² Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Владимир Соловьев: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 802.

³ Бычков В.В. Софиология как основа теургической эстетики // Вестник ИГЭУ. № 2 (13). 2006. С. 59.

⁴ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. Брюссель, 1966. С. 412-413.

⁵ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Брюссель, 1966. С. 10-11.

ку всеединство не получило реализации ни в одной из сфер общественной жизни, то и абсолютная красота остается только проективным идеалом, не решенной задачей для человечества, выполнение которой осуществляется искусством⁶. Сознавая парадоксальность своего утверждения, Соловьев говорит, что вопрос об осуществлении истины он рассматривает как эстетическую проблему⁷. Исследованию этой задачи Соловьев собирается посвятить третий раздел своего объемного сочинения, но, увлеченный другими идеями, не исполняет своего замысла⁸.

К.Н. Мочульский, опираясь на слова Е.Н. Трубецкого, излагает общий план этого ненаписанного раздела «Критики отвлеченных начал» следующим образом: «В начале 1880-х годов Соловьев предполагал написать «Эстетику» в форме свободной теургии: искусство должно было быть связано с церковными таинствами и обосновано мистически. Эстетика как теургия составляла третью часть его религиозно-философской системы, увенчивая собой теократию и теософию»⁹.

О завершении работы над «Эстетикой» Соловьев сообщал в 1895 г. своему другу Ф. Гецу, однако ни среди опубликованных работ, ни среди рукописей это сочинение не было обнаружено¹⁰.

В другой ранней работе «Философские начала цельного знания» В.С. Соловьев формулирует свое главное эстетическое убеждение о единстве истины, блага и красоты. В абсолютном бытии Логоса это единство приобретает характер тождества, так что истина, благо и красота различаются только в субъективном восприятии: «Совершенное же единство состоит в том, что то же самое, именно Идея, что мыслится как истина, оно же и хочется или желается как благо, и оно же самое, а не другое что-нибудь и чувствуется как красота, так что эти три определения не суть какие-нибудь отдельные сущности, а только три формы или образа, в которых является для различных субъектов одно и то же, именно Идея, в которой, таким образом, и обитает вся полнота Божества»¹¹.

Можно сказать, что и основное эстетическое убеждение Соловьева о единстве истины, блага и красоты укоренено в святоотеческой мысли. Аскетический идеал восточного христианства, выраженный греческим термином *Φιλοκαλία* и его церковно-славянским аналогом «Добротолюбия», оз-

---

сель, 1966. С. 203.

⁶ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. Брюссель, 1966. С. 413.

⁷ Там же. С. 352.

⁸ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Владимир Соловьев: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 796.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. Брюссель, 1966. С. 379.

начает любовь к благу истине и красоте как трем аспектам одного и того же духовного совершенства.

Основные свои эстетические идеи В.С. Соловьев высказывает в двух работах: «Красота в природе» (1889 г.) и «Общий смысл искусства» (1890 г.).

В качестве эпиграфа к статье «Красота в природе» он выбирает суждение Достоевского: «Красота спасет мир». Распространяя и уточняя это оптимистическое утверждение, философ придает ему императивный характер: «эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности»¹², однако сразу же отвергает «грубые, а иногда и совсем нелепые выражения новейшего эстетического реализма и утилитаризма... Красота есть не средство, а цель в себе»¹³.

Опираясь на Дарвина, Соловьев доказывает объективный характер эстетических переживаний. Красота в животном мире способствует половому отбору в не меньшей степени, чем сила, выносливость или другие физиологические факторы. Животное оказывается не только способным отличать красивое от безобразного, но и осознавать и даже «гордиться» своей красотой¹⁴. Но если красота в животном мире является таковой не только в субъективном восприятии человека, то столь же объективна она и в явлениях неорганической природы.

Объективность красоты, по мнению В.С. Соловьева, подтверждается тем, что истинный художник творит не от избытка ума, а от избытка сердца, получая вдохновение свыше. Пример такой объективной красоты философ находит в поэме А.К. Толстого «Слепой». Слепой певец приходит на княжеский пир, когда гости уже разошлись, но, не замечая этого, исполняет свою песнь. Когда же он узнает об отсутствии слушателей, то не обижается, потому что не волен над своей песнью¹⁵.

Искусство как средство создания красоты не в силах справиться с задачей эстетического преображения мира. Оно касается только локальной области действительности, но это не свидетельство несостоятельности искусства, а только признак его неразвитости¹⁶. Соловьев оптимистически (сейчас бы мы сказали – излишне оптимистически или – необоснованно оптимистически) смотрит на динамику искусства: «Было бы явною ошибкой считать существующие ныне способы и пределы художественного действия за окончательные и безусловно обязательные. Как и все человеческое, художество есть текущее явление, и, быть может, в наших руках только отры-

¹² Соловьев В.С. Красота в природе // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель, 1966. С. 33.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. Брюссель, 1966. С. 144.

¹⁶ Соловьев В.С. Красота в природе // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель, 1966. С. 35.

вочные начатки истинного искусства. Пускай сама красота неизменна; но объем и сила ее осуществления в виде прекрасной действительности имеют множество степеней, и нет никакого основания для мыслящего духа окончательно останавливаться на той ступени, которой мы не успели достигнуть в настоящую историческую минуту, хотя бы эта минута и продолжалась уже тысячелетия»¹⁷.

Красота, хотя и воплощается в материи, не связана с ней напрямую. Алмаз и уголь являются чистым углеродом, пение соловья и душераздирающие крики мартовских котят имеют одну и ту же психофизиологическую основу, каменные бабы степных народов и греческие статуи олимпийских богинь связаны генетически, но одни красивы, а другие безобразны. Поэтому «красота есть нечто формально-особенное, специфическое, от материальной основы явлений прямо не зависящее и на нее несводимое»¹⁸. Соловьев соглашается с Шопенгауэром, который видит в красоте бескорыстное созерцание, никак не связанное с какой-бы то ни было практической пользой, но не видит в этом суждении ответа на то, чем же является красота сама по себе. Не удовлетворяет Соловьева и убеждение Шопенгауэра в том, что содержанием красоты являются вечные идеи как объективации мировой воли, поскольку все на свете можно считать такой объективацией, но далеко не все существующее прекрасно¹⁹.

В.С. Соловьев приходит к выводу о том, что красота в природе возникает «как преобразование материи чрез воплощение в ней другого, сверхматериального начала»²⁰. Это сверхматериальное начало Соловьев называет идеей, которое определяет как «то, что само по себе достойно быть»²¹, а достойный или совершенный модус бытия есть всеединство, то есть «полная свобода составных частей в совершенном единстве целого»²².

Отсутствие свободы разрушает красоту: «Все то безобразно, в чем одна часть безмерно разрастается и преобладает над другими, в чем нет единства и цельности и, наконец, в чем нет свободного разнообразия»²³. Заметим, что это суждение Соловьева очень близко одному из фундаментальных определений православной аскетики. Страсть, разрушающая цельность человека и лишаящая его нравственной свободы, это не что иное, как безмерно разросшаяся душевная сила, которая, если она находится в гармонии с другими душевными силами, исполнена блага²⁴.

Фундаментальный принцип всеединства у Соловьева поразительно на-

¹⁷ Соловьев В.С. Красота в природе // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель, 1966. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 39.

²⁰ Там же. С. 41.

²¹ Там же. С. 44.

²² Там же.

²³ Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель, 1966. С. 81.

²⁴ Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994. С. 358.

поминает онтологическое свойство Церкви в определении апостола Павла (Еф. 1,23): «Достойное, идеальное бытие требует одинакового простора для целого и для частей, следовательно, это не есть свобода от особенностей, а только от их исключительности. Полнота этой свободы требует, чтобы все частные элементы находили себя друг в друге и в целом, каждое полагало себя в другом и другое в себе, ощущало в своей частности единство целого и в целом свою частность, – одним словом, абсолютная солидарность всего существующего. Бог – все во всех»²⁵.

Полнота свободы может быть осуществлена лишь в человеке, который изначально принадлежит как природному царству, так и духовному. Максимально приблизиться к Божественному всесовершенству он может только свободным выбором и сознательной борьбой со злом, которое допущено Богом лишь как условие совершенствования человека. Как отмечает комментирующий Соловьева Э.Л. Радлов: «Этот процесс совершенствования и составляет смысл человеческой жизни»²⁶.

В работе «Общий смысл искусства» Соловьев отвергает основной принцип эстетики Гегеля, согласно которому красота является воплощением вечной идеи в случайных и преходящих явлениях. Его собственный эстетический критерий восходит к философии Шеллинга и требует нераздельного и неслиянного взаимопроникновения идеального и материального, которое делает материальное причастным к вечности духовного начала²⁷. Красота как полное осуществление всеединства требует не отражения идеи от материи, а полного присутствия идеи в материи, «глубочайшее и теснейшее взаимодействие между внутренним или духовным и внешним или вещественным бытием»²⁸.

Э.Л. Радлов отмечает сходство эстетики В.С. Соловьева с учением неоплатоников и средневековых христианских мистиков²⁹. Особенно близким к эстетике Соловьева он считает учение о красоте александрийского неоплатоника Плотина³⁰. Однако при определенном сходстве с идеями Плотина эстетика Соловьева все же стоит ближе к христианскому неоплатонизму, что замечает К.Н. Мочульский³¹. Плотин считает материю безобразным хаосом, абсолютным злом и небытием. Соловьев оправдывает материю как условие воплощения идеи. Материя в чистом виде некрасива. В неорганическом мире эта красота нейтральна и не вызывает отторжения. Но в живой

²⁵ Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель, 1966. С. 81.

²⁶ Радлов Э.Л. Эстетика Вл. С. Соловьева // Вестник Европы. Т. 1. 1907. С. 97.

²⁷ Там же. С. 82.

²⁸ Радлов Э.Л. Эстетика Вл. С. Соловьева // Вестник Европы. Т. 1. 1907. С. 81.

²⁹ Там же. С.115.

³⁰ Там же.

³¹ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Владимир Соловьев: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 801.

природе чистая материальность проявляется либо как гипертрофированный половой инстинкт, либо столь же гипертрофированное обжорство, что уже вызывает отвращение. Однако хаос может быть преобразен в космос, и красота возникает там, где идеальное вмещается в реальное, идея в материю. Как отмечает В.В. Бычков: «Для Соловьева высшая красота природы – показатель реальности воплощения положительного всеединства»³². Без соединения с материальным и духовное некрасиво: «Идеальное содержание, остающееся только внутренней принадлежностью духа, его воли и мысли, лишено красоты, а отсутствие красоты есть бессилие идеи»³³.

Соловьев считает хаос неуничтожимым. Ему близка мысль Тютчева о присутствии хаоса в самой совершенной гармонии³⁴. Соловьев определяет хаос как «отрицательную беспредельность», и считает его «сущностью мировой души и основой мироздания»³⁵. Космический процесс гармонизирует хаос, воплощает в нем положительные идеи и подчиняет его законам, обнаруживает в нем смысл и красоту. Но и под уснувшими под покровом самой совершенной красоты хаос продолжает «шевелиться». «Это присутствие хаотического иррационального начала в глубине бытия, – уверен Соловьев, – сообщает различным явлением природы ту свободу и силу, без которой бы не было самой жизни и красоты»³⁶. Совершенная красота не требует уничтожения хаоса, но овладевает им, подчиняет его себе, воплощается в нем, но не уничтожает его свободы и сопротивления³⁷.

«Плотин и Соловьев, – говорит Мочульский, – не только не родственны, а прямо полярны. Сходство их эстетических взглядов следует отнести на счет их общего учителя Платона»³⁸.

Платонизм очевиден в поэзии Соловьева. Он звучит, например, в одном из самых известных его стихотворений:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Это – не что иное, как торжествующий платонизм. Видимый мир по-

³² Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. 1999. С. 27.

³³ Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель, 1966. С. 81.

³⁴ Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. 1999. С. 30.

³⁵ Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. Брюссель, 1966. С. 126.

³⁶ Там же. С. 27.

³⁷ Там же.

³⁸ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Владимир Соловьев: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 801.

нимается только как «отклик искаженный» музыки небесных сфер. Однако в философии Соловьева платонизм принимает христианские очертания. Реальность представляет единство трансцендентного и имманентного. Антиномия непостижимого в своей сущности Творца, иноприродного миру Бога и Богоявления, осуществляется не только как Боговоплощение, но и постоянно воспроизводится в явлении Святого Духа в Таинствах Церкви.

Представление Соловьева о материи как таковой основывается на библейской концепции творения. Материя является творением Бога и уже в силу этого несет в себе потенцию красоты и блага. Эта мысль очень явственно звучит в «Шестодневе» христианского неоплатоника Василия Великого: «Бог был для мира не сим одним – не причиной только бытия, но сотворил как благий – полезное, как премудрый – прекраснейшее, как могущественный – величайшее. Пророк показал тебе в Боге едва не художника, который, приступив к сущности вселенной, приноровляет ее части одну к другой, и производит само себе соответственное, согласное и гармоническое целое»³⁹.

В.В. Бычков считает, что в основе эстетики Соловьева лежит синтез библейского креационизма и дарвиновской теории эволюции⁴⁰. Творение непрерывно, и человечество участвует в нем наряду с Божественным фактором: «Творение есть постепенный и упорный процесс; это – библейская и философская истина, так же как и факт естественной науки. Процесс, предполагая несовершенство, предполагает тем самым определенный прогресс, состоящий во все более и более глубоком и полном объединении материальных элементов и анархических сил, в преобразении хаоса в космос, в живое тело, могущее послужить для воплощения Божественной Премудрости»⁴¹. При этом Соловьев уверен, что этот всемирно-космический процесс далек от завершения, наиболее важные его этапы лежат в отдаленном будущем.

Следует подчеркнуть, что в своих мыслях о хаосе как душе мира и уловии всякого существования Соловьев далек от какого бы то ни было гностического дуализма. В самой оспариваемой своей работе «Россия и Вселенская Церковь» он пишет: «Мы знаем, что возможность хаотического существования, от века содержащаяся в Боге, вечно подавляется Его могуществом, осуждается Его истиной, уничтожается Его благостью. Но Бог любит хаос и в его небытии, и Он хочет, чтобы сей последний существовал, ибо Он сумеет вернуть к единству мятежное существование, Он сумеет наполнить бесконечную пустоту избытком Своей жизни»⁴².

Таким образом, единство красоты и хаоса образует главный принцип

³⁹ Василий Великий, *свт.* Творения. В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 334.

⁴⁰ Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. 1999. С. 26.

⁴¹ Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Брюссель, 1966. С. 304.

⁴² Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Брюссель, 1966. С. 293.

эстетики Владимира Соловьева, которая завершает и увенчивает его философский проект («философия всеединства») в целом. Красота и хаос, а также такие пары концептуальных противоположностей как идея-материя, необходимость-свобода, общее-частное, не предполагают гностическую элиминацию «низшего» члена оппозиции, но образуют внутри себя динамичное и гармоничное единство устремленного в бесконечность музыкального лада сосуществующих различий. В этом отношении эстетика Владимира Соловьева не в меньшей степени является онтологией и социально-философским эмансипаторным проектом, предлагая особый взгляд на природу различия, «высвобожденного» из сдерживающих его тенет Единого, которое всего лишь нуждалось в возвращении ему его изначальной природы, как она мыслилась в платоновской философии и средневековом богословии. Переставая быть узилищем для хаоса и чистой множественности и не изменяя их сущности, Единое и Красота выступают в качестве положительного принципа их мирного устроения.

Литература

Бычков В.В. Софиология как основа теургической эстетики // Вестник ИГЭУ. № 2 (13). 2006. С. 44–71.

Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. 1999. С. 3–43.

Василий Великий, свт. Творения. В 2 т. Т. 1. М.: Сибирская Благовонница, 2008.

Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Владимир Соловьев: pro et contra. В 2 т. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2000. С. 556–829.

Радлов Э.Л. Эстетика Вл. С. Соловьева // Вестник Европы. Т. 1. 1907. С. 84–129.

Соловьев В.С. Красота в природе // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 33–75.

Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 1–414.

Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 75–93.

Соловьев В.С. Поэзия гр. А.К. Толстого // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 135–159.

Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 7. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 126.

Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 293–304.

Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 186–227.

Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 1. Брюссель: [б. и.], 1966. С. 250–406.

Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994.

References

Bychkov V.V. Sofiologija kak osnova teurgicheskoj estetiki [Sophiology as the basis of theurgic aesthetics]. *Vestnik IGEU*. 2006. N. 2 (13). P. 44-71 (in Russian).

Bychkov V.V. Estetika Vladimira Solov'eva kak aktual'naja paradigma [Aesthetics of Vladimir Solovyov as an actual paradigm], *Istorija filosofii*. 1999. N. 4. P. 3-43 (in Russian).

Basil the Great, holy. *Tvorenija. V 2 t. T. 1* [Works in two volumes]. Moscow: Siberian Blagozvonitsa Publ., 2008 (in Russian).

Horuzhiy S.S. *Posle pereryva. Puti russkoj filosofii* [After a break. The Ways of Russian Philosophy]. Saint Petersburg: Alethea Publ., 1994 (in Russian).

Mochulsky K.V. *Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie* [Vladimir Solovyov. Life and teaching], in Solovyov V.I.: pro et contra. V 2 t. T. 1 [pro et contra. In. 2 vol. Vol. 1.], Saint Petersburg: RHGI Publ., 2000. P. 556-829 (in Russian).

Radlov E.L. *Estetika V. S. Solov'eva* [Aesthetics of V.S. Solovyov]. *Vestnik Evropy*. 1907. Vol. 1. P. 84-129 (in Russian).

Solovyov V.S. *Krasota v prirode* [Beauty in nature], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 6* [The collected works: in 12 vols. Vol. 6]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 33-75 (in Russian).

Solovyov V.S. *Kritika otvlechennykh nachal* [Criticism of abstract principles], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 2* [The collected works: in 12 vols. Vol. 2]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 1-414 (in Russian).

Solovyov V.S. *Obshhiy smysl iskusstva* [General meaning of art], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 6* [The collected works: in 12 vols. Vol. 6]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 75-93 (in Russian).

Solovyov V.S. *Poeziya gr. A.K. Tolstogo* [The poetry of gr. A.K. Tolstoy], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 7* [The collected works: in 12 vols. Vol. 7]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 135-159 (in Russian).

Solovyov V.S. *Pojezija F.I. Tyutcheva* [Poetry of F.I. Tyutchev], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 7* [The collected works: in 12 vols. Vol. 7]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 126 (in Russian).

Solovyov V.S. *Rossiya i Vselenskaja Cerkov'* [Russia and the Universal Church], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 11* [The collected works: in 12 vols. Vol. 11]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 293-304 (in Russian).

Solovyov V.S. *Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo* [Three speeches in memory of Dostoevsky], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 3* [The collected works: in 12 vols. Vol. 3]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 186-227 (in Russian).

Solovyov V.S. *Filosofskie nachala cel'nogo znaniya* [Philosophical principles of integral knowledge], in Solovyov V.S. *Sobranie sochinenij: v 12 t. T. 1* [The collected works: in 12 vols. Vol. 1]. Brussels: Self-publishing, 1966. P. 250-406 (in Russian).

Beauty and chaos in the aesthetics of Vladimir Solovyov

Konstantin Matveev, master's student, Saratov Chernyshevsky State University (Saratov), kostya_matveev_1992@mail.ru

The article examines the doctrine of beauty and chaos in the aesthetics of Vladimir Solovyov, which continues the main motives of his "philosophy of unity". The connection between Solovyov's aesthetic thought and the philosophy and theology of Antiquity, the Middle Ages and the New Time is traced. The content of the Russian thinker's own aesthetic ideas is clarified. In particular, the author dwells on the way in which Vladimir Solovyov in his philosophy leads to a harmonious existence of beauty and chaos and other pairs of conceptual opposites associated with them or derived from them: the general and the particular, the one and the many, necessity and freedom, idea and matter and etc. Solovyov's aesthetics proclaims the possibility of reconciling philosophy and theology, which often find support in the universal, expedient and intelligible, with the idea of the chaotic nature of the world and the existence of irreducible plurality in it. Chaos is not excluded by Solovyov, but is preserved by him as diversity within a beautiful harmonious whole of coexisting differences. Moreover, the origins of this decision are contained in ancient philosophical thought and the theology of Patristics. Thus, Solovyov's aesthetics, in its focus and choice of topics and problems, coincides with the main intentions of his philosophy of unity and is consonant with its ontological and socio-philosophical implications.

Keywords: beauty, truth, goodness, chaos, unity, Christian asceticism, love of kindness

For citation: Matveev K.V. (2024) Beauty and chaos in the aesthetics of Vladimir Solovyov // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 3. P. 54-64.